

Факторы жизненного успеха и жизненные шансы в оценках студенчества

А.А. Дейнеко

В статье представлены результаты анализа самооценок значимых факторов жизненного успеха современным украинским студенчеством. Автор уточняет содержание концепта «жизненные шансы», отмечает актуальность его использования в современном социологическом дискурсе; анализирует тенденции изменения значимых факторов жизненного успеха в самооценках студентов, взаимосвязь академической успешности студенчества и оценки значимых факторов жизненного успеха.

Ключевые слова: жизненные шансы, жизненный успех, самооценка, стратегии достижения, жизненная стратегия.

У статті представлені результати аналізу самооцінок значущих чинників життєвого успіху сучасним українським студентством. Автор уточнює зміст поняття «життєві шанси», зазначає актуальність його використання у сучасному соціологічному дискурсі; аналізує тенденції зміни значущих чинників життєвого успіху в самооцінках студентів, взаємозв'язок їх академічної успішності студентства і оцінок значущих чинників життєвого успіху.

Ключові слова: життєві шанси, життєвий успіх, самооцінка, стратегії досягаторства, життєва стратегія.

У артыкуле прадстаўлены вынікі аналізу самаацэнак значных фактараў жыццёвага поспеху сучасным украінскім студэнтствам. Аўтар удакладняе змест канцэпту «жыццёвыя шанцы», адзначае актуальнасць яго выкарыстання ў сучасным сацыялагічным дыскурсе. Прааналізаваны тэндэнцыі змянення значных фактараў жыццёвага поспеху ў самаацэнках студэнтаў, узаемазвязь акадэмічнай паспяховасці студэнтства і ацэнкі значных фактараў жыццёвага поспеху.

Ключавыя словы: жыццёвыя шанцы, жыццёвы поспех, самаацэнка, стратэгіі дасягнення, жыццёвая стратэгія.

Results of the analysis of evaluating significant factors of success by modern Ukrainian students are presented in the article. The author defines more exactly the concept of «life chances», underlines the relevance of using this notion in contemporary sociological discourse. The trends of changes in defining the significant factors of success in students' evaluations, interconnection of students' academic success and their estimations of significant factors of life success are analyzed.

Keywords: life chances, life success, self-assessments, strategies of achievement, life strategy.

В современных условиях «таяния» жестких структур, кризисности и рискогенности социальной реальности исследователи все чаще обращаются не к классическим категориям классово-стратификационной теории, а к концептам менее четким и определенным. Одним из таких концептов является категория «жизненных шансов». Эта категория активно разрабатывается в рамках зарубежного (У. Бек, М. Вебер, Э. Гидденс, Р. Дарендорф, Г. Маршалл, П. Штомпка и др.) и отечественного социологического дискурса (в исследованиях О.Д. Куценко, С.А. Макеева, С. Оксамитной и С. Бродской, С.С. Бабенко и др.)

Однако несмотря на достаточно интенсивное использование данной категории в социологической традиции наряду с понятиями «жизненные стратегии», «классовые позиции» и пр., ее смысловое наполнение применительно к социологическому дефинированию и операционализации остается «размытым», что повышает актуальность собственно социологического изучения, концептуализации и операционализации.

В научном дискурсе концепт «жизненные шансы» преимущественно вписан в категориальный аппарат классового анализа и ограничен его рамками, что, на наш взгляд, значительно сужает его потенциал эвристичности. С. Оксамитная и С. Бродская отмечают в качестве принципиальной задачи классового анализа *исследование связей между классовыми позициями и жизненными шансами*. «Жизненные шансы» авторы отождествляют с «жизненными возможностями» и рассматривают их как «обобщенные показатели существования классовых различий, которые, правда, могут включать весьма разнообразный перечень эмпирических переменных»¹. В данном определении представлен скорее «структурный фокус» исследования «жизненных шансов», сама же категория представлена не как самостоятельная, а как второстепенная переменная в рамках стратификационно-классовой структуры. Фактически акцент делается на отсутствии теоретической концептуализации и конкретного эмпириче-

¹ Оксамитная С., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 24.

ского наполнения категории «жизненные шансы», на вариативности ее эмпирического измерения.

Эмпирическая вариативность и неопределенность влечет за собой теоретическую, что задает необходимость поиска теоретических и эмпирических границ жизненных шансов, а также актуализирует применение данной категории.

В зарубежной традиции эта категория впервые была предложена М. Вебером в контексте его теории стратификации. Так, британский социолог Г. Маршалл определяет жизненные шансы как «понятие, употребленное М. Вебером в анализе класса и статуса, в частности, в сочетании с понятием классовой ситуации. Обладание собственностью и контроль за товарами и услугами на рынке, являющиеся следствием распределения власти в обществе, определяют «шанс» достижения индивидуальных целей путем социального действия»¹. В дальнейшем этот термин стал общеупотребимым, особенно в рамках изучения социальной мобильности, когда закрытость общества уменьшает возможности (шансы) продвижения. Речь идет о шансах на получение образования, охрану здоровья, материальные вознаграждения и статусную мобильность. Таким образом, на раннем периоде изучения жизненных шансов постоянно учитывалась высокая их обусловленность материальным и социальным положением, что на данный момент задает векторы в эмпирической операционализации исследуемой категории. Смысловое же поле данной теоретико-методологической позиции «пропитано» капиталистическим (макро)контекстом и спецификой рыночной экономической среды.

В творческом наследии Э. Гидденса присутствует собственное видение жизненных шансов. Автор отмечает, что «идея жизненных шансов крайне важна, поскольку подчеркивает, что класс оказывает важное влияние на то, что происходит в нашей жизни, однако не детерминирует жизнь полностью. Классовое деление не привязывает людей к определенным социальным позициям навечно, что предполагали предыдущие системы стратификации»². Таким образом, автор обращает внимание на значимость «*достижительной составляющей*» в контексте рассмотрения категории «жизненных шансов» в открытых стратификационных системах. Гидденс указывает на категорию «жизненные шансы» лишь как на частично обусловленную материальной производительностью общества: «Характер и масштаб власти, порожденной авторитативными ресурсами, зависят не только от расположения тел, передвигающихся по пространственно-временным путям, но и от жизненных возможностей субъектов деятельности. «Жизненные шансы» или «жизненные ожидания» означают, в первую очередь, возможности простого выживания людей в разных формах и зонах общества. Вместе с тем понятие жизненных шансов подразумевает также весь спектр способностей и возможностей, которые имел в виду Вебер, вводя в обращение этот термин»³. Таким образом, в концепции Э. Гидденса из строго детерминированных, извне обусловленных «жизненные шансы» превращаются в феномен, находящийся под влиянием «субъектности» (используя терминологию Л.Г. Сокурмянской⁴) их обладателей.

Опираясь на теоретико-методологический опыт исследований пространства «жизненных шансов», под последними мы предлагаем понимать комплекс возможностей (в частности, экономических, культурных, социальных, политических, правовых и т.д.), а также индивидуальных задатков личности, реализация которых субъектом (индивидом и/или социальной группой) способствует достижению жизненного успеха/неуспеха. В данном контексте для нас представляется актуальным исследовать пространство «жизненных шансов» сквозь

¹ Цит. по: Оксамитная С., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 25.

² Giddens A., Duneier M. Introduction to Sociology N.Y., 2000. P. 148.

³ Цит. по: Оксамитная С., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 32.

⁴ Сокурмянская Л.Г. Социальная субъектность как социологическое понятие и социальный феномен // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Харків, 2001. С. 36-41; Сокурмянская Л.Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. Харьков, 2006.

призму самооценок жизненного успеха студенчества. Именно в этом свете мы предлагаем обратиться к эмпирическим данным¹.

Таблица 1

«Что, на ваш взгляд, в большей степени способствует жизненному успеху?» (в %)

Факторы жизненного успеха	2006	2009
Собственный интеллект, способности	67	60
Влиятельные друзья, родственники, наличие связей	41	49
Профессионализм, деловые качества	39	42
Везение, счастливый случай	35	29
Деловая хватка	33	35
Наличие начального капитала, собственности	27	25
Умение использовать любые средства для достижения цели	26	32
Внешность	6	10

Согласно результатам исследования, наиболее значимым фактором жизненного успеха, по мнению студенчества, является *собственный интеллект, способности*, на что указали 60% опрошенных. Однако динамика показателей свидетельствует о снижении его значимости по оценкам современных студентов (67% в 2006 г., 60% в 2009 г., различия статистически значимы). Существенно укрепил свои позиции в самооценках студентов фактор *влиятельные друзья, родственники, наличие связей* (от 41% в 2006 г. до 49% в 2009 г.). В условиях макроэкономической нестабильности и системного кризиса студенчество в большей степени полагается не на собственные силы (интеллект, способности), а на поддержку извне (влиятельные друзья, родственники).

Полученные данные дают основания для пессимистических прогнозов относительно снижения потенциала субъектности современного украинского студенчества, возрастания неуверенности в собственном будущем. Однако показатели альтернативы *профессионализм, деловые качества* несколько противоречат нашему выводу (они возросли от 39% в 2006 г. до 42% в 2009 г., различия статистически незначимы). Постоянство выбора данного фактора свидетельствует о его значимости среди студенчества. Аналогичная ситуация наблюдается с динамикой показателей альтернативы *деловая хватка*, которую в 2006 г. оценили в качестве значимой 33% респондентов, в 2009 г. – 35%. Таким образом, современное студенчество оценивает профессиональную и деловую компетентность в качестве стабильных факторов жизненного успеха. Если данный интерес подкреплён соответствующими практиками, направленными на его достижение, есть основание для оптимистического прогноза относительно профессиональной и деловой компетентности будущей украинской интеллигенции.

Следующее место в рейтинге значимых факторов жизненного успеха студенчества занимает альтернатива *умение использовать любые средства для достижения цели*, показатели которой существенно возросли в сравнении с 2006 г. (от 26% к 32%). Данный фактор свидетельствует не о возрастающей целеустремленности современного студенчества, а носит скорее негативную смысловую нагрузку, учитывая размытость возможных интерпретаций «любых средств». В данном контексте, на наш взгляд, под умением использовать любые средства для достижения цели следует понимать возможность нарушения моральных и этических норм, *переступить черту закона, использование нелегальных практик и т.д.*

Таким образом, за последние годы современное студенчество заявляет о возрастающей неразборчивости в средствах при достижении поставленных целей, которая отчасти пренебрегает грань морали и закона. Подобной тенденции способствовали как политическая нестабильность в стране, так и экономический кризис, снижение уровня жизни населения.

¹ Эмпирической базой исследования выступают результаты исследования кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, проведенного в 2005-2007 гг. по репрезентативной выборке (выборочная совокупность по Украине – 3057 респондентов) и 2008-2009 гг. (выборочная совокупность по Украине 3058 респондентов).

Следует обратить внимание на сокращение показателей фактора *везение, счастливый случай*: в 2006 г. в качестве значимого его оценили 35% респондентов, в 2009 г. – 29% (различия статистически значимы). Высокие показатели данного индикатора указывают на неуверенность современного студенчества в реализации жизненных планов, уповании на внешние факторы, низкую степень субъектности молодежи. Интересен тот факт, что наряду со снижением показателей альтернативы *везение, счастливый случай* наблюдается сокращение показателей альтернативы *собственный интеллект, способности*. Таким образом, современные студенты в меньшей степени оценивают значимость совокупности случайных факторов, однако при этом больше ориентированы не на стратегии рационального индивидуалистического достижения (собственный интеллект, способности), а на аскриптивным образом детерминированную протекцию (влиятельные друзья, родственники, наличие связей).

Значимость *наличия начального капитала, собственности* в качестве фактора жизненного успеха отметили 25% опрошенных в 2009 г. и 27% в 2006 г. (различия статистически незначимы). Постоянство показателей свидетельствует об устойчивой, но не доминирующей значимости данной альтернативы в рейтинге факторов жизненного успеха (она занимает лишь 7-е место). Завершает рейтинг значимых факторов жизненного успеха современного студенчества альтернатива *внешность*. Наблюдается некоторое возрастание показателей данного фактора: в 2006 г. о ее значимости заявили 6% студентов, а в 2009 г. отметил уже каждый десятый. Данная тенденция содержательно перекликается с тенденцией возрастания значимости в самооценках студенчества фактора умения использовать любые средства для достижения цели и снижения показателей альтернативы *собственный интеллект, способности*.

Таким образом, в контексте современных преобразований в политической, экономической и духовной сферах жизни украинского общества наблюдается трансформация ценностей, ценностных ориентаций, образцов поведения современного студенчества. Так, отчасти нивелируется значимость собственного интеллекта, способностей (как индикатора стратегий достижения), приобретают значимость внешние, аскриптивные факторы (наличие влиятельных друзей, родственников, связей; собственная внешность). И лишь положительная динамика показателей значимости профессионализма и деловых качеств в оценках студенчества является основанием для оптимистических прогнозов относительно ориентации будущей интеллигенции на достижение профессиональной и деловой компетенции.

К образованию как фактору, который в значительной степени обуславливает жизненные шансы, обращается ряд отечественных исследователей (С.С. Бабенко, О.Д. Куценко, С.А. Макеев и др.). С.А. Макеев на основе эмпирического исследования выводит своеобразные «ландшафты жизненных шансов», один из которых он описывает следующим образом: «Быть молодым в постсоветских государствах, закончить школу в крупном городе и там же жить и работать – значит иметь перспективу занять более привилегированную позицию в структуре пространства жизненных шансов и возможностей»¹. Таким образом, одним из факторов «насыщения» пространства жизненных шансов С.А. Макеев считает уровень образования, а молодежь – потенциально активным субъектом реализации «жизненных шансов». Тем самым автор подчеркивает, что именно студенчество находится на этапе интенсивного конструирования потенциала «жизненных шансов».

С идеей, что высокий уровень образования в значительной степени отделяет жизненные шансы студенчества от аскриптивных способов детерминации, согласен У. Бек, обосновавший непрерывность процесса индивидуализации жизненных шансов как отрицания классово обусловленной судьбы. В развитых обществах неоспорима особая роль образования в процессе предоставления шансов индивиду на рынке труда, отмечает исследователь. Однако С. Оксамитная и С. Бродская пессимистично комментируют представленную выше идею: «Вряд ли нечто подобное произойдет в ближайшей перспективе в украинском обществе, где из-за особенностей социально-политического развития образование в полной мере так и не

¹ Макеев С.А. Структура пространства жизненных шансов и возможностей // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание/ под ред. О.Д. Куценко. Харьков, 2004. С. 250.

приобрело должной статусораспределительной функции, как это произошло в западных капиталистических обществах. Пока мы находимся на очень длинном пути к полноценному признанию образования и квалификации как наиболее важных социально-статусных характеристик индивида и согласованию их с другими измерениями, прежде всего доходом и престижем»¹.

Н. Смелзер в своих исследованиях выявил «взаимозависимость между уровнем образования (или количеством лет, проведенных в учебных заведениях) и успехом в работе. Образование действительно способствует восходящей мобильности, но даёт не только знания, необходимые для овладения профессиями высокого статуса, но и способствует пониманию их использования»². Именно поэтому (несмотря на украинскую социокультурную специфику) *академическая успешность* при изучении современного украинского студенчества представляется нам одним из наиболее показательных индикаторов в исследовании жизненных шансов украинской студенческой молодежи.

Основной практикой студенчества является обучение, и ключевым его индикатором выступает академическая успеваемость. Обратим внимание на то, каким образом варьируется оценка значимости факторов жизненного успеха студенчества в зависимости от уровня их академической успеваемости.

Таблица 2

Зависимость самооценки значимых факторов жизненного успеха студентов от уровня их академической успеваемости (в %, исследование 2009 г.)

Факторы жизненного успеха	Как учатся				
	на 5	на 4 и 5	на 4	на 4 и 3	на 3
Собственный интеллект, способности	64	63	57	48	48
Влиятельные друзья, родственники, наличие связей	42	47	52	48	48
Профессионализм, деловые качества	43	46	36	41	24
Везение, счастливый случай	35	28	29	29	43
Деловая хватка	36	37	34	27	35
Наличие начального капитала, собственности	26	24	26	28	12
Умение использовать любые средства для достижения цели	26	32	35	39	38
Внешность	11	10	12	13	10

Данные свидетельствуют о наличии *взаимосвязи между уровнем академической успеваемости и показателями фактора собственный интеллект, способности*. Так, с повышением уровня академической успешности возрастает значимость данного фактора в оценках студенчества (от 48% среди тех, кто учится на «3», до 64% среди «отличников»). Успешность в практике обучения студенты с более высоким уровнем академической успешности проецируют на будущую успешность в жизни, отмечая значимость фактора приращения интеллекта в качестве основания конструирования жизненного успеха. Следует отметить, что показатель значимости анализируемого фактора достаточно высок даже среди студентов-«троечников».

Обратная зависимость была зафиксирована между показателями академической успеваемости студентов и степенью значимости для них фактора влиятельные друзья, родственники, наличие связей. Так, среди студентов, чья успеваемость колеблется в пределах «4» и «3», на значимость данного фактора указали 66% опрошенных, а среди студентов-«отличников» – всего 42%. То есть студенты-«отличники» априори обладают большим потенциалом «субъектности», в большей степени ориентированы на собственные силы в конструировании жизненного успеха. Это мы связываем с тем, что студенты-«отличники» в си-

¹ Оксамитная С., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 39.

² Смелзер Н. Социология. М., 1998. С. 455.

лу своего академического статуса более активны, трудолюбивы, то есть в большей мере ориентированы на стратегии достижения, нежели студенты с иными уровнями академической успеваемости. Также наблюдается существенное сокращение показателей значимости анализируемого фактора среди студентов-«троечников» (до 48%).

Следует отметить *рост показателей значимости фактора использование всех средств для достижения цели в связи с понижением уровня академической успеваемости студентов в учебе* (на что указали 26% опрошенных «отличников», 35% «хорошистов» и 38% «троечников»). Данный факт свидетельствует о наличии у «отличников» более высокого уровня влияния Super Ego, которое не позволяет преступать грань морали и закона. Данный вывод *не следует абсолютизировать* (все же больше четверти отличников заявили о такой ориентации): мы лишь акцентируем внимание на том, что студенты с более высоким уровнем академической успешности в меньшей степени ориентированы на достижение поставленных целей любой ценой.

По остальным факторам жизненного успеха и уровням академической успеваемости студенчества четких зависимостей зафиксировано не было. Интересен тот факт, что отсутствует прямая зависимость между успешностью студентов в учебе и степенью значимости для них факторов *профессионализм и деловая хватка*. Максимальную значимость анализируемым факторам о обоих случаях приписывают не «отличники», а студенты «отличники-хорошисты», которые в меньшей степени оценивают значимость интеллекта, но в большей (в сравнении с «отличниками») – наличие связей и влиятельных друзей. Данный факт свидетельствует, что студенты с высокими показателями академической успеваемости (которые учатся на «4» и «5») занимают более активную жизненную позицию, в большей степени ориентированы на достижение. Интересен тот факт, что среди «троечников» значимость профессионализма оценили лишь 24% опрошенных (в сравнении, к примеру, с «хорошистами» – 36%), однако показатель значимости фактора деловая хватка равняется 35% и находится на уровне с показателями других студентов. Таким образом, студенты-«троечники» в меньшей степени оценивают значимость ценности-цели «профессионализм» (как совокупности абстрактных характеристик), однако в большей – ценности-средства «деловая хватка» (как частного случая практического применения «профессионализма», порой не имеющего с ним ничего общего). Студенты-«троечники» вообще демонстрируют большой потенциал прагматичности, нежели студенты с другим уровнем академической успешности.

Отсутствует зависимость фактора везение, счастливый случай и уровня успешности студенчества. Максимально полагаются на судьбу «троечники» (о чем заявили 43% опрошенных студентов с удовлетворительным уровнем успеваемости), в меньшей степени – «хорошисты» (29%). Последние являются в большей мере реалистами, а поэтому полагаются на собственные способности, нежели на внешние факторы.

Различия показателей *значимости фактора капитал, собственность* в связи с академической успешности колеблются на уровне статистической погрешности. Данный факт свидетельствует о постоянстве оценки значимости анализируемого фактора среди студентов с различным уровнем успеваемости, что говорит о его универсальном характере. Однако зафиксировано и «выпадающее» из общей логики анализа значение показателя анализируемого фактора среди студентов-«троечников» (его отметили в качестве значимого всего 12%).

В результате анализа значимых факторов жизненного успеха в оценках студенчества обнаружены следующие тенденции:

- Наиболее значимые факторы жизненного успеха современного студенчества – интеллект; влиятельные друзья, наличие связей. Низко студенчество оценивает значимость наличия капитала, привлекательной внешности. Полученные данные дают основания для оптимистических прогнозов, касающихся высокого потенциала субъектности современного студенчества, ориентированности на достижение практики, готовности взять на себя ответственность.
- В результате анализа динамики показателей значимых факторов жизненного успеха в 2006 и 2009 гг. было зафиксировано возрастание показателей факторов использования всех средств для достижения цели; внешность; влиятельные друзья, наличие связей, и падение

значимости фактора интеллект. В условиях экономического, политического и системного кризиса происходит трансформация ценностно-нормативного портрета современного студенчества, в котором на авансцену выходят авантюризм, возможность преступить грань морали и права, надежда на внешние обстоятельства, падание степени уверенности в собственных силах и т.д.

- В результате анализа оценки значимости факторов жизненного успеха в связи с уровнем академической успешности студентов были выявлены прямая зависимость значимости для студентов фактора интеллект от уровня успеваемости, а также обратная зависимость степени значимости факторов влиятельные друзья; использование всех средств для достижения цели от той же успеваемости. Данная тенденция свидетельствует о том, что студенчество с высоким уровнем академической успеваемости обладают большим потенциалом «субъектности», в большей степени ориентированы на собственные силы в конструировании жизненного успеха. В силу своего академического статуса они более активны, трудолюбивы, то есть в большей мере ориентированы на стратегии достижения.